

Український Фемінізм

Люся Лютикова

Возьми с полки
пирожок

Люся Лютикова
Возьми с полки пирожок
Серия «Иронический детектив (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67775835
Лютикова Люся. Возьми с полки пирожок: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146381-6

Аннотация

Ипотека – это когда одну квартиру ты покупаешь себе, а вторую – банку. «Долой ипотечное рабство! Хватит кормить банкиров! Землю – рабочим, фабрики – крестьянам, воду – морякам!» У Люси Лютиковой революционное настроение, она решительно отговаривает подругу Юлю брать квартиру в ипотеку. Ведь у Люси есть хитроумный план, как получить квартиру без рисков и переплат. Подруга следует совету Люси – и попадает в тюрьму, её обвиняют в убийстве. Толстушка, терзаемая угрызениями совести, берётся за собственное расследование...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	29
Глава пятая	39
Глава шестая	45
Глава седьмая	58
Глава восьмая	68
Глава девятая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Люся Лютикова

Возьми с полки пирожок

© Л. Лютикова, 2022

© ООО «Издательство „АСТ“», 2022

Глава первая

Если вы хотите получить от кого-то благодарность, возьмите в дом уличную собаку. От человека благодарности не дождётесь. Люди устроены так, что собственный успех приписывают себе, а неудачи – окружающим. Особенно если эти самые окружающие имели неосторожность дать им совет, в таком случае готовьтесь к обвинениям и проклятиям в свой адрес. Собственно, именно это сейчас и происходило.

– Ты во всём виновата, Люська, – твердила моя подруга Юлька Луконина, преподавательница столичного вуза. – Из-за тебя я потеряла все свои деньги!

– Ничего ты не потеряла, – отнекивалась я. – Твои деньги по-прежнему вложены в недвижимость. А недвижимость у нас в стране, как известно, только дорожает, тем более в Москве. Всё идёт по плану.

– По какому плану? Где мой доход от сдачи в аренду? Ты обещала, что у меня будет ежемесячный доход, а у меня одни убытки!

– Я не виновата, что у тебя неадекватные родственники.

– Ох, какой же я была душой, что ввязалась в эту авантюру! – вздохнула Юлька.

– А я по-прежнему считаю, что идея гениальная.

И самое обидное, что полтора года назад подруга со мной согласилась.

Всё началось с того, что Луконина пришла ко мне в гости и за чашкой чая поделилась наболевшим.

– Люська, у меня проблема: скопилась некоторая сумма. Издали мой учебник, плюс я готовила школьников к ЕГЭ, откладывала с зарплаты, в общем, набежало.

– Вот уж не думала, что деньги – это проблема, – улыбнулась я.

– Конечно, проблема, если сумма не такая большая, чтобы купить что-то значительное, но и не такая маленькая, чтобы спустить её на шмотки. Я не хочу профукать деньги, понимаешь? Хочу распорядиться ими с умом.

– Ну так и распорядись. Какая твоя самая насущная проблема?

– Жилищный вопрос! Сама знаешь мою ситуацию.

Юлька жила в «однушке» с единоутробной сестрой Сентябриной. Квартира досталась им после смерти бабушки. Юльке было тридцать пять, Сентябрине – двадцать два года. Бабушка воспитывала Юльку с семи лет. После развода мать Юльки сбагрила дочь бабушке, резонно рассудив, что в стране равноправие, и если бывшему мужу можно устраивать личную жизнь, то ей, молодой и красивой, сам бог велел. Во втором браке родилась дочь Сентябрина, которую домашние звали просто Рина. После развода со вторым мужем мать тоже отправила Рину на воспитание к бабушке. Сейчас мать жила с третьим супругом в крошечной «хрущёвке» с двумя проходными комнатами, здоровье у матери и отчи-

ма было отменное, так что надеяться на скорое наследство не приходилось.

Отношения у Юльки с Риной были хорошие, сёстры любили друг друга, но, когда две молодые женщины обитают на такой маленькой территории, конфликты неизбежны. Сентябрина упорно считала, что Юля, как старшая сестра, должна уйти на съёмную квартиру, тем более что она уже работает, а Рина только оканчивает институт. Юлия же полагала, что сестрице следует закатать губу и радоваться, что живёт на всём готовеньком: холодильник забит продуктами, вся бытовая техника функционирует исправно и за коммунальные услуги заплачено.

– Может, мне ипотеку взять? – задумчиво спросила Юлька. – Я же не могу до пенсии жить с сестрой.

– Ни в коем случае! – горячо воскликнула я. – Ипотека – это не выход из проблем, а вход в них!

– Не преувеличивай. Сколько людей берут ипотеку и спокойно выплачивают.

– Спокойно? Да покой им только снится! Их жизнь – это постоянный стресс. Они держатся за любую работу, какой бы омерзительной она ни была. Устраиваются на вторую, третью подработку. Не имеют права заболеть, потому что потеряют в зарплате. Даже умереть не имеют права! Потому что страховая компания не будет выплачивать банку долг, а повесит его на их детей и престарелых родителей. Скажешь, это незаконно? Погугли, ты удивишься, сколько таких случаев

по стране! Но самое главное, что за годы рабства у банка ты фактически покупаешь три квартиры, только одна остаётся у тебя, а две другие в виде конских процентов оседают в карманах банкиров. Ты хочешь кормить толстосумов?

Подруга тяжело вздохнула.

– Я не хочу, но что делать? У меня есть полтора миллиона рублей, это только четверть от стоимости «однушки», эти деньги могли бы стать первоначальным взносом по ипотеке, ну а дальше... Буду вкалывать без больничных, найду вторую работу, всё как ты сказала. Другого выхода, увы, нет.

– Выход есть! Ты знаешь, у меня полно идей по самым разным вопросам действительности, и одна из них как раз о том, как купить квартиру, не влезая в ипотеку, не переплачивая и даже получая небольшой доход с первого дня! Я удивляюсь, почему эта мысль ещё никому не пришла в голову? Почему люди не делают так повсеместно? А я знаю почему: это заговор банков! Ведь тогда никто не придёт к ним за ипотекой!

У Лукониной загорелись глаза, и она потребовала:

– Рассказывай свою идею!

– Колхоз! – выпалила я.

– Что?

– Коллективное хозяйство. Помнишь, что это такое?

– Да помню я эту отрывку социализма. Причём тут квартира?

– Колхоз – это потрясающая штука. Например, есть четыре бедняцких двора, ни в одном нет коровы. Четыре бедня-

ка объединяют свои гроши и покупают одну корову на всех. Они продают молоко, сметану, творог, масло и скоро покупают вторую корову, тоже общую. От двух коров больше молока, больше доход...

– Ты можешь обойтись без аллегорий с коровами? – стала раздражаться Луконина.

– Ладно, скажу прямо – кооперация. У тебя на руках четверть стоимости квартиры. Находишь ещё троих родственников, у которых тоже в загашнике по полтора миллиона. Вы кооперируетесь и покупаете квартиру в равных долях. Сдаёте её в аренду несколько лет, доход делите, параллельно каждый копит на следующую квартиру. Сколько ты копила свои полтора миллиона?

– Два года, может, чуть больше.

– Ну вот, через два года покупаете вторую квартиру, тоже в равных долях. Теперь уже сдаёте две квартиры. Ещё через два года покупаете третью. Потом четвёртую. В итоге переоформляете доли, чтобы у каждого получилась целая квартира.

По мере того как я говорила, Юлька скучнела.

– Объединиться с родственниками... – досадливо протянула она. – Я-то думала, у тебя что-то интересное...

– Ты думала, у меня есть волшебный горшочек, в который кладёшь полтора миллиона, а вынимаешь шесть?

– Мне не нравится, что эта квартира будет не моя, а поделена на четверых человек, – кривилась подруга. – Моя толь-

ко доля.

– А при ипотеке она тоже не твоя, а банка, только ты за неё почему-то коммуналку платишь. У банка вообще никаких трат и рисков, они все на тебе.

– Мне придётся долго ждать свою отдельную квартиру.

– А ипотеку, думаешь, погасишь за год? Так же и получишь. Только при ипотеке, если ты вдруг не сможешь больше платить, банк вернёт тебе копейки, на которые ты купишь разве что диван. А с родственниками вы договариваетесь, что в таком случае дольщики выкупают твою долю по рыночной стоимости, о чём составляете официальный договор. Ты ничего не потеряешь, у тебя на руках будет нормальная сумма, хоть в долларах, хоть в юанях, хоть в любой другой валюте, которая на тот момент будет ходить в Москве.

– Не знаю... Что-то не вдохновил меня твой колхоз, – свернула разговор Юлька и в тот день больше к теме покупки квартиры не возвращалась.

Однако прошло три дня, и Луконина мне позвонила.

– Люська, я тут посчитала разные варианты. Твоя идея колхоза получается действительно самая выгодная с экономической точки зрения.

– Ну так! Фирма веников не вяжет!

– Я вот только не знаю, с кем из родственников скооперироваться?

– Смотри сама, я не знаю твою родню. Главное, чтобы они были надёжные люди, имели стабильный доход и аван-

тюрный склад характера, сама понимаешь, идея-то довольно смелая. Поговори с каждым кандидатом наедине, наглядно докажи выгоду с калькулятором в руках.

На несколько месяцев Юлька Луконина пропала из вида, а потом огорошила новостью: она купила квартиру! Не одна, конечно, а совместно с тремя родственниками. Квартира прекрасная, с добротным ремонтом, техникой и уже сдаётся в аренду. От аренды денежка небольшая, потому что делится на четырёх человек, но она стабильно капает.

– Поздравляю! – обрадовалась я. – А колхозники кто?

– Мои дольщики? Отличные люди. Двоюродный брат Андрей, на четыре года старше меня, у него небольшой автосервис. Яна, частный мастер маникюра, у нас немного запутанное родство, она вроде приходится мне троюродной тёткой, но на самом деле Яна моя ровесница. И тётя Ира, сестра моего отца, работает врачом, ей пятьдесят лет, в прошлом году юбилей отмечали.

– Маникюрша вызывает у меня сомнения, – честно сказала я. – Она сколько зарабатывает? Сможет накопить на следующие квартиры?

– Да запросто! У неё денег куры не клюют, можешь мне поверить. Одевается как куколка, ездит на новеньком «мерседесе». Знаешь, сколько стоит маникюр с дизайнерским покрытием? А наращивание ногтей?

Слава богу, понятия не имею. Терпеть не могу длинные когти, мало того что они мешают заниматься домашними де-

лами, так ещё с ними невозможно печатать на клавиатуре. Не трачу деньги на маникюр в салоне, сама аккуратно подстригаю ногти и крашу их бесцветным лаком. Дёшево и сердито.

Глава вторая

В течение года «колхоз» функционировал чётко, как часы. Андрей взял на себя контроль за недвижимостью. В-первых, он сам жил неподалёку, а во-вторых, в квартире периодически требовалось починить какую-нибудь мелочь, и никто лучше него с этим не справился бы. Андрей также брал с жильцов плату и переводил на карты компаньонам их долю. Женщины каждый месяц получали прибыль, сумма была хоть и маленькая, но приятная. Все были довольны.

Проблемы начались внезапно. Первой всполошилась тётя Ира, она позвонила Юльке:

– Ты в этом месяце получала деньги от Андрея?

Юлька порылась в памяти:

– Нет.

– Мне он тоже не перевёл. Я ему позвонила, он что-то бормочет про залив соседей, что надо делать ремонт. Мне недосуг в это вникать, ты можешь разобраться?

Луконина тут же связалась с кузеном.

– Андрей, что происходит?

Андрей рассказал, что выгнал жильца, потому что тот залил квартиру и отказался платить за ремонт.

– А соседи снизу? – испугалась Юлька. – Он их тоже залил?

– Немного. К счастью, только коридор. Надо сменить обои

и покрасить потолок, из расходов всего лишь три рулона обоев и банка краски. Я расплатился с ними из залоговых денег. У соседей к нам претензий нет.

Юлька облегчённо выдохнула.

– А наша квартира в каком состоянии?

– Пострадала кухня: вздулся ламинат, отклеились обои. Я куплю со скидкой какие-нибудь остатки материалов и всё заменю. Нужно время, чтобы бетон просох. Недели через две запустим новых жильцов. Не волнуйся, скоро всё вернётся на круги своя.

Через две недели Юлька поинтересовалась у брата:

– Как дела с ремонтом?

– Ох, сестричка, не спрашивай! Зашиваюсь в автосервисе, много работы. Но скоро начну. Не беспокойся, всё будет тип-топ.

Прошёл месяц, Андрей так и не приступил к ремонту, квартира простаивала, дохода от аренды не было. Юлька потеряла терпение.

– Давай я найму ремонтников, раз тебе некогда, – предложила она Андрею. – Двух человек хватит?

– Не суетись, сестричка. Зачем платить посторонним людям, если я сделаю бесплатно? И знаешь поговорку: «Хочешь сделать хорошо, сделай сам»? Я работаю ответственно, на века, а этим заезжим гастролёрам лишь бы бабло урвать, а там пусть всё отвалится на следующий день.

Лукониной не нравилась эта ситуация, но Андрей говорил

убедительно, и Юлька уступила. Брат прав, действительно, лучше сразу сделать хорошо, чтобы уже больше не возвращаться к этому вопросу. В конце концов, деньги от аренды им погоды не делают, они являются приятным бонусом. Впереди у них большая цель – покупка ещё трёх квартир, так что не надо тратить нервы на пустяки.

Так Юлька успокаивала себя до того дня, когда ей позволила Яна и ошеломила известием:

– Андрей бросил жену, ушёл из семьи и живёт в нашей квартире с любовницей!

Яна дружила с Мариной, женой Андрея. Вернее, та была её постоянной клиенткой, регулярно делала маникюр.

Юлька тут же связалась с братом.

– Андрюша, я не хочу лезть в твою личную жизнь, я думаю, с женой ты сам как-нибудь разберёшься. Я насчёт нашей общей квартиры. Зачем ты обманывал про ремонт? Что за детский сад? Если ты хочешь жить в этой квартире, ради бога, но тогда снимай её. Почему ты лишаешь нас дохода? Это нечестно.

– Юлька, извини, мне очень стыдно, – ответил Андрей. – Насчёт ремонта я не обманывал, у меня действительно не было времени, я зашивался на работе. Сейчас я всё сделал, квартира как конфетка. И да, я тут живу с девушкой. Так совпало, что срочно нужно было жильё. Согласись, что глупо снимать какой-нибудь клоповник, когда под боком квартира, которую ты собственными руками довёл до ума. Конеч-

но, я компенсирую вам потери, это даже не обсуждается. – Он помолчал, потом добавил: – Прости, что сам об этом не подумал. Так резко всё нахлынуло. Я же не специально. Я просто голову потерял. Я так счастлив сейчас, ты даже не представляешь.

– Голову он потерял, – проворчала Луконина, осознавая, что немного завидует брату. Она уже давно ни в кого не влюблялась, последний раз у неё «нахлынуло» ещё в аспирантуре.

Как известно, счастливые часов не наблюдают. Также они не наблюдают дней, недель и не соблюдают финансовые договорённости. Андрей кормил «завтраками» своих дольщиц ещё месяц, из квартиры не выезжал и не платил за неё. Женщины злились, но как повлиять на него, не знали. Тётя Ира и Яна предъявляли претензии Юле, потому что она их в это втравила. А Юлька сейчас обвиняла во всём меня. Я же зареклась на всю оставшуюся жизнь давать советы кому бы то ни было.

– И вот что мне теперь делать? – гневно вопрошала у меня Луконина. – Дохода нет, одни траты! Это совсем не то, что ты обещала! Что делать, говори, Люська!

– Какие у тебя, собственно, траты? – ушла я от прямого ответа.

– Я плачу за коммуналку в этой квартире, поскольку последние три месяца Андрей забил на неё.

– Ты оплачиваешь коммуналку полностью?

– Нет, свою долю. Сумма небольшая, но дело принципа, это ведь расходы, а не доходы! Сохраняю чеки на случай судебной тяжбы, которая, чует моё сердце, скоро случится. Что мне делать, дай совет!

– А тётя Ира с Яной что предлагают? – опять вильнула я хвостом.

– У тётя Иры сейчас серьёзные проблемы на работе, ей не до этой квартиры. Яна говорит, что Андрея надо оставить в покое, он скоро перебесится, бросит любовницу и вернётся к жене. Жена, кстати, тоже в этом уверена, о чём и сообщила на очередном сеансе маникюра.

– Надо же, сколько в некоторых женщинах самомнения... – протянула я, лишь бы что-то ответить.

– Что делать, говори прямо! – припёрла меня к стене подруга.

– Не скажу. Больше никаких советов, если их никто не ценит.

Юлька удручённо сникла.

– Ладно, – сжалилась я. – Просто поделюсь своими мыслями, что бы делала я, окажись в такой ситуации. Андрей, может быть, и правда перебесится, но он уже зарекомендовал себя гнилым человеком, с ним нельзя иметь финансовых дел. Опять же тётя Ира может лишиться работы и, следовательно, дохода. Два дольщика являются слабым звеном. Ты сможешь выкупить их доли? – Юлька отрицательно покачала головой. – Думаю, маникюрша Яна тоже не так богата. Вы-

ход один – продавать квартиру.

– Я сама пришла к такому выводу, – кивнула Луконина. Она открыла сайт недвижимости: – Вот, смотри, в соседнем подъезде такая же «однушка» выставлена за восемь миллионов, цены на недвижимость нехило так выросли.

– Если вы сейчас спокойно, без нервов продадите квартиру, то каждый получит по два миллиона и отправится с ними в свободное плавание. Как по мне, вы завершите отличный бизнес-проект.

– И я сразу же возьму ипотеку! – заявила Юлька.

Я вздохнула. Некоторым людям хоть кол на голове теши. Впрочем, молчу-молчу, свои советы держу при себе.

Глава третья

– Люська, ты должна мне помочь! – решительно сказала подруга.

– Как?

– Пусть твой Руслан поговорит с Андреем, наставит его на путь истинный. У меня большие сомнения, что братец так легко согласится продать квартиру, мне кажется, он немного свихнулся на почве любви. А Руслан все-таки работает в полиции, он умеет убеждать людей.

– Мы расстались, – ответила я. – У него сейчас медовый месяц.

– Как жаль! – искренне посочувствовала Луконина.

Жалость подруги была бы куда острее, узнай она, что майор Супроткин бросил меня, когда я, по сути, лежала в реанимации без сознания, и женился на следующий же день¹.

Я спокойно восприняла это известие, очевидно, под действием лекарств, которыми меня накачали в больнице. Но через какое-то время меня начало колбасить не по-детски. В душе клокотала ненависть к майору, а сердце разрывалось от жалости к себе. Семь лет он меня мурыжил, семь! Я со дня на день ждала от него предложения, сама устраивала ему приятные сюрпризы, а он, оказывается, втихую наставлял мне

¹ Эти события описаны в романе Люси Лютиковой «Прошла любовь, завяли помидоры».

рога.

Естественно, что с тех пор мы не общались. Возможно, когда-нибудь эмоции улягутся, но сейчас я не хочу его знать.

– Вообще-то я скоро выхожу замуж, – сказала я.

– Вау, вау, полегче! – воскликнула Юлька, картинно хватаясь за сердце. – Я ещё от предыдущей новости не отошла! И кто будущий муж?

– Прекрасный человек, профессор математики, преподаёт в вузе, как и ты, зовут Влад.

Вообще-то его полное имя Владлен, некогда довольно популярное, сокращённо от Владимир Ленин, родители были убеждённые коммунисты. Впрочем, почему были, они и сейчас здравствуют, и вскоре мне предстоит с ними познакомиться.

Забавно, что всё произошло в один день: Руслан сказал, что женится на другой, а Влад, с которым я была знакома буквально пару часов, сделал мне предложение. Сначала я не восприняла его слова всерьёз: выйти за первого встречного в парке незнакомца? Через два часа общения? Не слишком ли это опрометчиво? Но дело в том, что старик Эйнштейн был прав: время относительно. Можно двадцать лет прожить с человеком и не узнать его по-настоящему. А можно сходить на арт-свидание, вместе нарисовать картину и словно увидеть друг друга насквозь.

Совместное творчество – это такая штука, которая раскрывает душу человека без прикрас. А также наглядно де-

монстрирует, сможете ли вы договориться в реальной жизни. Типа как вместе поклеить обои, только в сто раз эффективнее. У нас с Владом получилась прекрасная картина – тёплая, уютная, душевная, и я наделась, что и брак будет таким же.

– Так что, сама понимаешь, Руслан Супроткин не сможет поговорить с твоим братцем, – сказала я. – Но, может быть, я попробую?

– Ты?! – изумилась Юлька.

– Я же чувствую некоторую ответственность, в историю вашего «колхоза» и я внесла свою лепту. Мне кажется, я смогу убедить Андрея не затягивать с продажей квартиры. По крайней мере меня, как лицо незаинтересованное, он выслушает.

– Так поехали! – воскликнула Луконина.

– Прямо сейчас? В восемь вечера?

– Именно сейчас, когда он сидит дома расслабленный.

– Ты уже позвонила брату, предупредила?

– Лучше нагрязнуть внезапно, поверь мне. Возьмём его тёпленьким.

– Ладно, дай мне десять минут, я переоденусь.

Квартира, которую Юлька купила на паях с родственниками, находилась в районе «Котловка», на улице Ремизова. Кто-то считает этот район прекрасным, кто-то – ужасным. На самом деле, у него есть свои достоинства и недостатки. Для меня как человека, передвигающегося на общественном

транспорте, огромным минусом является отсутствие в Котловке станции метро. А для кого-то из местных жителей это, наоборот, плюс, потому что меньше лихих людей шагает по улицам, криминогенная обстановка спокойнее. Или, например, тот факт, что Котловка застроена преимущественно пятиэтажками шестидесятих годов прошлого века. Для кого-то это «фу, старьё, вонючие подъезды, сырые подвалы». А для меня это возможность увидеть в столице небо, а не сидеть в каменном мешке. И потом, где вы сегодня в Москве найдёте сырые подвалы? Они практически все уже давно отремонтированы, в них прорублены окна, и они сдаются под офисы за нехилые бабки.

На улицу Ремизова мы с Юлькой добрались за сорок пять минут. Могли бы и быстрее, но она очень осторожно вела свой маленький «пежо», мы всё время тащились в правом ряду.

– Приехали, – сказала Луконина, паркуя машину со стороны аллеи. – Стоп, какой сегодня день?

– Четверг.

– Я про число спрашиваю.

Я посмотрела в телефоне:

– Двадцать второе сентября.

– Уф, чётное! – выдохнула подруга. – Тут просто по нечётным дням парковка запрещена, мне бы штраф прилетел. Ну, пошли, второй подъезд, второй этаж.

Во дворе Юлька досадливо поморщилась:

– Зачем я оставила машину на проезжей части, тут полно места.

Вот ещё одно преимущество пятиэтажек: всегда можно найти, где припарковаться.

Юлька прикоснулась своим ключом к домофону, мы вошли. В подъезде отсутствовали неприятные запахи, всё было чистенько и опрятно. Поднявшись на второй этаж, подруга тут же принялась безостановочно звонить в дверь. Никто не ответил. Продолжая нажимать на звонок, она вытащила телефон и попыталась дозвониться до брата.

– «Абонент временно недоступен». Ладно, открою сама, у меня ключ есть.

Ключ отказался входить в замок.

– Ключ не подходит, – констатировала Юлька, – Андрей поменял «личинку». – Она спустилась на лестничный пролёт, подошла к окну и выглянула во двор. – Вон Андрюхина машина стоит. Он дома, просто не хочет идти на диалог. У меня прямо сердце чувствовало, что он что-то задумал! Ну ничего, будем вскрывать дверь.

– Сами?

– А ты сможешь? – с надеждой спросила подруга.

Я покачала головой.

– Значит, вызовем профессионала.

Порывшись в смартфоне, Луконина нашла телефон слесаря и позвонила.

– Обещал подъехать через десять минут, к счастью, он тут

недалеко живёт, – сообщила Юлька, закончив разговор.

Подруга подошла к двери и прокричала в железный косяк:

– Андрюша, открывай добровольно, мы сейчас вскроем замок! Слышишь? Слесарю сам заплатишь, понял? – Юлька махнула рукой: – А, бесполезно с ним разговаривать, совсем с катушек съехал. Ну, Люська, видишь, во что ты меня втравила? Впрочем, я сама виновата, как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Человеческий фактор не учла!

Подруга горестно вздохнула.

– Да не накручивай ты себя, – сказала я. – Вполне может статься, что у твоего брата нет злого умысла.

– А почему не открывает?

– Приехал с работы уставший, может быть, накатил лишнего, заснул богатырским сном и не слышит, как ты в дверь долбишься. А телефон выключил. Или вообще Андрея нет в квартире, пошёл с девушкой прогуляться, машину оставил около подъезда, а телефон отключил, чтобы жена не доставала. Что-то я не верю, что законная супруга всю эту ситуацию с любовницей смиренно приняла, наверняка названивает ему каждую секунду. Такие варианты годятся?

– А замок зачем сменил? – подозрительно прищурилась Луконина.

– Главное правило арендодателя: после каждого жильца меняй «личинку». Потому что предыдущий жилец мог сделать дубликат ключа. Оставлять в такой квартире ценные ве-

щи рискованно.

– Блин, теперь получается, что я истеричка какая-то. Накрутила себя на пустом месте, всех переполошила почём зря. Может, Янка права, надо просто чуть-чуть подождать, пока Андрей перебесится?

Я пожала плечами.

– Понятия не имею, на что способны твои родственники.

– С другой стороны, – рассуждала Юлька, – он меня водит за нос третий месяц. То понос у него, то золотуха. Нет, что-то тут не чисто. Будем вскрывать замок!

– Это вы слесаря вызывали? – раздался снизу голос.

По ступенькам поднимался парнишка лет двадцати пяти. Одет он был в серый спортивный костюм и серую шапочку, надвинутую на самые брови.

– Мы! – обрадовалась Луконина. – Вот эту дверь надо открыть.

Парень бросил быстрый взгляд на замок.

– Документы ваши можно попросить? На квартиру и паспорт.

– А зачем? – удивилась я.

– Затем, что я не хочу отъехать на нары. Вскрывать замок я буду только в присутствии владельца недвижимости.

У слесаря была совершенно неприметная внешность. Вот попроси меня через пять минут описать его, а я и не смогу: средний рост, нормальное телосложение, на лице никаких примет – ни выдающегося носа, ни шрамов, ни роди-

нок. А ведь я смотрю на него на расстоянии вытянутой руки! Очень удобная наружность для человека, который вскрывает дверь не только в присутствии владельца квартиры, но и без его ведома.

Юлька достала из сумочки документы, протянула парню и тот тщательно их изучил, сверяя фотографию в паспорте с оригиналом.

– Какая ты предусмотрительная, – заметила я. – Даже свидетельство о собственности на квартиру захватила.

– Я же чувствовала, что Андрюшка выкинет какой-нибудь фортель!

Слесарь на этот раз более внимательно осмотрел замок, потом спросил:

– Женщины, вы в курсе, что кто-то впрыснул в «личинку» супер-клей? Поэтому вы не смогли вставить туда ключ.

– Да что же Андрей творит, совсем с катушек съехал! – воскликнула подруга. – А вы сможете его вскрыть?

– Сначала попробую специальным растворителем, у меня с собой.

Парень приступил к работе и между делом любопытствовал:

– У вас квартира наследственная, что ли?

– С чего вы решили? – ошетинилась Юлька.

– У вас в собственности только четверть доли, такое обычно после раздела наследства бывает.

Луконина ничего не сказала, только тяжело вздохнула. Па-

рень принял ее вздох за утвердительный ответ.

– Ох, не завидую я вам, – сказал он, копаясь в замке какими-то железяками. – Сейчас начнётся. Да вот уже, собственно, и началось.

– Что? – испугалась Юлька.

– Война за квартиру. Собственники делают друг другу подянки, меняют замки, не дают попасть в жилье. Меня так в одну квартиру четыре раза вызывали.

– И чем дело закончилось? – полюбопытствовала я. – Удалось наследникам договориться?

– Понятия не имею. Моя заказчица в тот четвёртый раз вынесла все вещи из квартиры, а потом велела сварщику заварить дверь.

– Как заварить? – оторопела я.

– А вот так, – парень широким жестом обвёл рукой дверной проём. – По всему периметру.

Мы с Юлькой хмуро переглянулись. Час от часу не легче!

Слесарю пришлось воспользоваться дрелью, прежде чем в замке что-то хрустнуло.

– Готово! – сказал парень. Он достал влажную салфетку, быстро протёр дверную ручку и все поверхности, к которым прикасался. – Дверь открыта, можете заходить. Но замок теперь не работает. Пожалуйста, расплатитесь со мной, как договаривались.

– Как же дверь открыта, если закрыта? – удивилась я.

Он указал на щель в сантиметр:

– Открыта.

– А вы сами не можете открыть до конца? – настаивала я.

– Ни в коем случае. Я даже не хочу знать, что там внутри.

Моё дело – только замок.

Получив от Юльки купюры, парень мгновенно испарился.

С некоторым трепетом мы с Лукониной переступили порог квартиры. Нас встретила звенящая тишина.

– Твоего брата нет дома, как я и говорила.

– Неужели и правда? – не поверила Юлька. Она сделала несколько шагов в сторону комнаты. – Действительно никого нет.

Дверь на кухню была закрыта, подруга распахнула её и сразу же закричала. Я бросилась к ней. На полу лицом вверх лежал мужчина. Все всяких сомнений, он был мёртв.

Глава четвертая

Юлька упала на колени рядом с женщиной и принялась его тормошить:

– Андрюшка, что с тобой? Вставай, слышишь! – Она в ужасе отдернула руки. – Люська, он холодный!

– Он мёртв, Юля. Не трогай его, я вызову полицию.

Я внимательно оглядела кухню. Крови не видно, следов борьбы нет, вещи не разбросаны, мебель стоит на месте. Вот только холодильник почему-то распахнут настежь, в том числе и морозильная камера. Как так получилось? Может быть, Андрей что-то доставал из холодильника, в этот момент ему стало плохо, он упал, пытаясь подняться, схватился за дверцу морозилки и открыл её?

Всё выглядит как мгновенная смерть от естественной причины. Возможно, оторвался тромб или произошло кровоизлияние в мозг. Мы не задумываемся об этом, но каждую секунду смерть дышит нам в затылок, в том числе тем, кто молод и здоров. А ведь Андрею даже сорока не исполнилось! Какое горе для семьи, для друзей, для любимой девушки!

Подруга сидела на полу, раскачивалась взад-вперёд и безостановочно твердила сквозь рыдания:

– Андрюша, братик мой хороший, братик...

Я почему-то не могла звонить при покойном, ушла в комнату и набрала 112 на телефоне.

– Что у вас произошло? – спросила оператор.

– Мёртвый человек в квартире.

– Убийство? – сухо уточнила собеседница.

– Я не знаю, – растерялась я, этот вариант мне даже не пришёл в голову. – Мы зашли в квартиру, а он лежит мёртвый на полу.

– Кому-нибудь требуется медицинская помощь?

– Нет.

– Ваше имя и адрес.

Я назвала.

– Полиция выезжает, ждите.

Я вернулась на кухню и еще раз огляделась. Если не знать про суперклей, залитый в дверной замок, всё выглядело как смерть от естественных причин.

Юлька вдруг начала задыхаться.

– Люська, – прохрипела она, – мне не хватает воздуха, открой окно.

Я только сейчас заметила, что на кухне, да и вообще в квартире, ужасно душно, все окна закрыты.

– Нельзя ничего трогать до приезда полиции. Давай я выведу тебя на улицу.

Я подхватила Юльку под руки, помогла ей подняться, и мы вышли на лестничную площадку. Входную дверь я просто толкнула локтем, из-за взломанного замка она была только прикрыта.

Лавочек около подъезда не было, зато во дворе находи-

лась детская площадка, я повела подругу туда.

Мы сели на скамейку, освещённую фонарём. Свежий ветер приятно обдувал лицо, вокруг не было ни души. Я зачем-то достала из кармана телефон и посмотрела время: десять часов пять минут.

– Как ты? – обеспокоенно спросила я Юльку.

– Лучше.

Вид у Лукониной был неважный: белая как полотно, на лбу испарина, из лёгких со свистом выходит воздух.

– У тебя астма? Почему я не знала?

Подруга покачала головой.

– Это не астма. Несколько лет назад у меня начались панические атаки, в стрессовых ситуациях я задыхаюсь и могу потерять сознание.

– Зря я сказала службе сто двенадцать, что медицинская помощь не требуется. Может, всё-таки вызвать «скорую»? Вколют тебе успокоительное.

– Не надо, мне уже лучше, спасибо.

Больше всего на свете я хотела, чтобы произошедшее оказалось сном. Я не представляла, как вернусь в квартиру и снова увижу покойника. Юлька наверняка опять начнёт плакать и задыхаться. Я просто не знала, где взять силы, чтобы еще раз пережить этот кошмар. Если бы можно было просидеть на этой лавочке до утра, я бы так и сделала.

Начал накрапывать дождь. В поисках какого-нибудь укрытия я оглянулась по сторонам и заметила, что около вто-

рого подъезда стоит полицейская машина. Как-то тихо она подъехала, без сирены.

– Юля, полиция уже здесь, надо идти.

– Я сейчас, дай мне пять минут... – пробормотала Луконина. – Только пять минут... Я смогу...

Уж если мне не хотелось возвращаться в квартиру, представляю, как тяжело сейчас подруге собраться с духом.

– Ладно, я пошла.

Обречённо вздохнув, я направилась к подъезду. На второй этаж я поднималась так медленно, как только могла, но ступеньки быстро закончились, и я оказалась перед распахнутой дверью в квартиру.

Почему люди боятся мертвецов? Ведь это не логично. Что плохого может сделать покойник? Абсолютно ничего. Живые люди намного опасней. И тем не менее, услышав, что из квартиры доносится человеческая речь, я смело переступила порог.

В коридоре рядом с кухней стоял молоденький полицейский не старше двадцати двух лет. В руке он держал кусок краковской колбасы, которую с аппетитом откусывал. Его упитанное телосложение и мощная ряха наводили на мысль, что ел он круглосуточно.

– Сержант Сенченко, дежурный патруль, – представился полицейский, продолжая жевать.

– Вы что, взяли колбасу из холодильника? – изумилась я.

– Никак нет, – отозвался сержант Сенченко, шустро дви-

гая челюстями.

Сержант определенно стырил колбасу из холодильника. Если бы он принёс ее из дома, то нарезал бы бутерброд. Не то чтобы мне было жалко для полицейского продуктов, откровенно говоря, я вообще никакого отношения к этой квартире и к холодильнику в ней не имею. И покойному Андрею эта колбаса тоже уже не понадобится. Но воровать еду у мертвеца – в этом был какой-то цинизм.

Тем временем последний кусок колбасы исчез у сержанта во рту. Через его плечо я заглянула на кухню и ахнула:

– Вы закрыли холодильник!

– Никак нет.

– Неправда! Когда мы с подругой обнаружили тело, обе дверцы холодильник были распахнуты! Вот так... – Я хотела открыть дверцы, но сержант Сенченко преградил мне дорогу круглым животом.

– Место происшествия трогать запрещено.

– Но это же вы закрыли холодильник! Я просто восстанавливаю первоначальный вид.

– Никак нет, – твердил Сенченко, как попугай.

На наши препирательства из комнаты вышел другой полицейский. Он был лет на десять старше Сенченко и по контрасту с ним комически худой. Форма на его плечах висела мешком.

– Старший лейтенант Хачукаев, – представился он. – Что тут происходит?

– Я хочу открыть холодильник.

– Зачем?

– Это мы с подругой нашли тело. Дверь на кухню была закрыта, а вот обе дверцы холодильника, наоборот, – распахнуты. Я не знаю, имеет данный факт какое-то отношение к смерти или нет, но вдруг это важно? Сержант закрыл холодильник, а я хочу восстановить статус-кво.

– Чего? – переспросил Хачукаев.

– Сделать, как было.

– Место происшествия трогать запрещено, – забубнил старлей.

Я поняла, что с этими солдафонами бесполезно разговаривать. Надо подождать, когда придет следственно-оперативная группа, там сотрудники более компетентны.

И вскоре они появились, три человека, одетые в штатское. Двое сразу же приступили к осмотру кухни, третий обратился ко мне:

– Это вы обнаружили труп?

– Да, я с подругой. Она является двоюродной сестрой Андрея, то есть покойного.

Я вкратце рассказала: подруга беспокоилась, что брат не отвечает на звонки, приехала сюда, но не смогла вставить ключ в замок, потому что кто-то залил в него суперклей. Вызвали слесаря, он взломал замок и открыл дверь. Мне почему-то захотелось представить Юльку в более выигрышном свете, поэтому я не стала говорить, что между ней и Андре-

ем был конфликт. Собственно, это и конфликтом-то не назовёшь, так, небольшое недопонимание.

– Где сейчас ваша подруга?

– Сидит на детской площадке во дворе. У нее началась паническая атака, она вышла на свежий воздух.

– Позвоните ей и пригласите сюда.

Я выполнила его просьбу, а потом спросила:

– Простите, как я могу к вам обращаться?

– Капитан Дубченко, – хмуро отозвался оперативник.

Капитан Дубченко мне сразу активно не понравился. Он был просто постаревшей лет на двадцать копией сержанта Сенченко. Именно таким станет сержант, если продолжит воровать еду с мест происшествия.

Психологи утверждают, что в других людях нас раздражают качества, которые мы не любим в себе. Наверное, так оно и есть, потому что капитан был упитанным мужчиной. Да что там деликатничать – откровенным жиртрестом! Круглое тело, заплывшее жирком лицо, мощный складчатый затылок, пальцы-сардельки... Я не могла на глаз определить, одежду какого размера носит Дубченко, но у него явно должны быть проблемы с ее покупкой. Служебную форму он абсолютно точно шил на заказ.

Я и сама дама корпулентная, и вроде бы должна с пониманием и сочувствием относиться к полным мужчинам. Но почему-то я не прощаю им лишний вес, мне кажется, что они не имеют права так разжираться!

Вот и сейчас я, пожалуй, слишком резко обратилась к капитану:

– Хочу сразу сообщить, что сержант Сенченко изменил картину места происшествия! Он закрыл холодильник на кухне!

– Это правда, сержант?

– Никак нет, – отозвался Сенченко, хлопая поросычьими глазками.

– У меня нет оснований не доверять сотруднику полиции, – сказал капитан.

– Когда мы вошли на кухню, обе дверцы холодильника были распахнуты! – упорствовала я.

– У меня нет оснований не доверять сотруднику полиции, – устало повторил Дубченко.

– И тем не менее, я настаиваю, чтобы эта информация была занесена в протокол!

Капитан Дубченко посмотрел на меня с такой неприязнью, словно я заставила его выйти на дежурство в новогоднюю ночь.

В этот момент в квартиру вошла Юлька.

Выяснив ее личность, капитан задал ей вопрос:

– Когда вы вошли на кухню, холодильник был закрыт или открыт?

Юлька, не отрываясь, смотрела на тело брата.

– А?

Следователь повторил вопрос.

– Я не знаю, я не обратила внимания. Я сразу кинулась к Андрею, я видела только его.

– А я обратила внимание! – встряла я. – И запомнила совершенно отчётливо!

– Возможно, это не имеет значения, – досадливо поморщился капитан Дубченко.

Дежурный патруль уехал, а следственно-оперативная группа работала до рассвета.

Пригласили двоих понятых из числа соседей: молодую женщину, которая почти в полночь находилась дома при полном параде – с макияжем, укладкой и в коктейльном платье, и мужика лет пятидесяти в вытянутых трениках и дырявой футболке.

Мы с Юлькой дали показания и подписали кучу протоколов, хорошо, что у меня с собой оказался паспорт.

После того как эксперт-криминалист осмотрел тело, покойника накрыли простыней и унесли.

В четыре часа утра капитан Дубченко наконец опечатал квартиру и отпустил всех по домам.

Мы с Лукониной, совершенно обессиленные, вышли на улицу и направились к Юлькиной машине.

– Я подвезу тебя домой, – сказала подруга.

– Ни в коем случае! – воскликнула я. – Поехали вместе к тебе, я должна убедиться, что ты нормально добралась, а то я не засну. А от твоего дома я такси вызову.

Прощаясь со мной около своего подъезда, Юлька сказала:

– Люська, спасибо тебе, что поехала со мной, что поддерживала! Не знаю, как бы я без тебя со всем этим справилась.

И она опять заплакала.

Зря подруга меня благодарила, ох, зря! Вообще-то сегодняшней ужас Луконина пережила исключительно по моей вине. Ведь эту «однушку» на улице Ремизова она купила по моему совету. Напрасно она тогда меня послушала! Если Андрею суждено было сегодня умереть, то это случилось бы у него дома или в каком-нибудь другом месте, но никак не в их общей квартире, и Юлька никогда бы не испытала шок, обнаружив на полу безжизненное тело брата.

Я обняла подругу:

– Держись, слава богу, всё закончилось!

Тогда я не знала, что проблемы у Юльки только начинались.

Глава пятая

Зато моя жизнь складывается как нельзя лучше.

Совсем скоро я выхожу замуж! Правда, заявление в ЗАГС мы с Владленом Сибиряковым пока не подали, потому что сначала я решила познакомиться с семьёй жениха: родителями, родной сестрой Искрой, а также с тремя бывшими жёнами. Вот с последними – особенно, ибо очень хотелось воочию узреть чудо: три бывших жены одного мужчины общаются между собой и даже периодически дружат. Второе чудо – мужчина, который сохранил хорошие отношения со всеми бывшими жёнами, – сидел сейчас рядом со мной, за рулём машины, и почему-то упорно отговаривал меня ехать в гости к его родителям.

– Я не хочу, чтобы ты во мне разочаровалась, понимаешь?

– Да почему я должна в тебе разочароваться? – недоумевала я.

– Ты решишь, что скоро я стану таким же, как мой отец. Все сыновья в конце концов становятся похожи на своих отцов.

– А он настолько плох?

– Он невыносим, – вздохнул Влад. – И мама тоже. К сожалению, так считаю не я один, а вся родня. Моя сестра Искра перестала с ними общаться, лишь иногда коротко сообщает новости по скайпу. Я навещаю их, но стараюсь сокра-

тить визиты до минимума, ибо один бог знает, каких нервов мне это стоит.

– В старости у многих людей портится характер, – заметила я.

– Дело не в старости, они такими были всегда, сколько я их помню. Понимаешь, мать с отцом постоянно всем недовольны и считают, что жизнь их обманула. Хотя, на мой взгляд, они прожили хорошую жизнь. У них были и достижения, и какие-то провалы, в общем, как у всех. Но они зациклены на плохом, а хорошего не замечают. Вот, например, у многих стариков нет внуков, они мечтают хотя бы об одном, а у моих четверо! Но я не помню, чтобы они ходили с кем-то из внуков в цирк, брали домой на выходные, рассказывали сказки на ночь... И при этом постоянно твердят, что внуки их не любят. А откуда взяться любви, если бабушка с дедушкой для них, по сути, чужие люди?

– Подожди, – удивилась я, – откуда четверо внуков, если у тебя трое детей?

Влад кивнул:

– Верно, у меня трое, а у Искры есть дочь Катя, ей четырнадцать лет.

Первый брак Влада был студенческий. Он женился на своей однокурснице Алле, когда учился на третьем курсе университета, а к защите диплома молодые уже развелись. Однако успела родиться дочь Стелла, которой сейчас было 22 года, она сама уже училась в вузе и в данный момент стажир-

ровалась за границей.

Второй раз Влада окольцевали в 33 года. Дама по имени Моника родила ему сыновей-близнецов, Сашу и Пашу, а потом пошла на фитнес, чтобы восстановить фигуру после родов, и, видимо, неплохо так восстановила, потому что ее по достоинству оценил фитнес-тренер, к которому Моника и ушла от мужа. Брак с культуристом продержался недолго, Моника кинулась было с детьми обратно к бывшему супругу, но Влад к тому времени уже был женат на актрисе Оксане Кисуевой – яркой, темпераментной и бесшабашной брюнетке.

Жить с Оксаной было весело, каждый день, вернее, каждую ночь в квартире толпой тусовались какие-то незнакомые люди: начинающие актёры, звукооператоры, художники... Для Влада, доктора математических наук, это был диковинный мир творческих людей, которые негромко пели под гитару, очень много пили, курили и бесконечно спорили. Это действительно было интересно, но днём Оксана отсыпалась, а Влад шёл преподавать в университет и постоянно чувствовал себя разбитым. А когда он стал просыпать первую пару, мысль о разводе логично пришла ему в голову. Тем более, что детей в браке не было.

– Долго нам еще ехать? – спросила я.

– Минут двадцать, – ответил Влад, объезжая пробку на шоссе дворами. – Кстати, знаешь, что такое стрессовое интервью?

– Конечно, знаю. Соискателю специально создают нервную обстановку, чтобы вывести его из равновесия, проверяют на стрессоустойчивость.

– Ну вот, представь, что сейчас у тебя будет стрессовое интервью. В очень плохой фирме, в которой ты никогда не будешь работать. В следующий раз ты увидишь моих родителей на свадьбе, а потом, дай бог, года через три, а если повезёт, то и через четыре, поэтому сегодня просто отстранись от всего происходящего.

– Хватит делать из своих родителей монстров! – засмеялась я.

– Давай договоримся так. Через полчаса я выйду на кухню и позвоню на твой телефон. Ты скажешь, что случилось что-то страшное – пожар, потоп, роды – и мы вместе быстренько смоемся.

– Господи, что за ребячество! Не знаю, зачем ты меня пугаешь, потому что я всё равно не боюсь. Твои родители примут меня с распростёртыми объятиями, ведь я идеальная невестка!

И это была чистая правда. У меня высшее образование, я материально независима, у меня есть большая квартира и загородный дом, я не какая-нибудь бесприданница и точно не выхожу за их сына по расчёту. Они могут спать спокойно: я не подсыплю ему яду в суп, чтобы завладеть имуществом. Судя по скорости, с какой Влад меняет жён, я, возможно, не последний вариант в его жизни, но точно не самый худший.

Родители Влада жили в столичном районе Отрадное. Неплохой зелёный район для тех, кто работает рядом с домом, водит детей в сад или школу рядом с домом и не часто выезжает в центр, потому что выехать из района довольно проблематично, а в час пик так вообще нереально.

Влад рассказал, что его родители давно на пенсии. Отец Илья Петрович Сибиряков родился в Москве и всю жизнь проработал инженером, ему 69 лет. Мать Надежда Герасимовна младше на три года, она родом из Тамбовской области, из крестьянской семьи. Сразу после окончания десятилетки приехала в Москву поступать в институт, провалила экзамены и пошла работать на завод, где и познакомилась с будущим мужем, который попал туда по распределению. Позже Надежда Герасимовна окончила техникум и до пенсии трудилась чертёжницей на том же заводе.

– От завода они и получили эту трёхкомнатную квартиру на втором этаже, – подытожил Влад свой рассказ.

Мы стояли перед девятиэтажкой из красного кирпича. Мне всегда нравилась эта советская серия жилых домов: один подъезд, квартиры выходят на все четыре стороны света, а сам дом похож на толстенький параллелепипед.

– Я тогда в первом классе учился, – продолжал ностальгировать Влад. – Помню, сколько радости было, мы ведь до этого в деревянном бараке жили.

– Кажется, такие дома в народе называли «стакан»?

Влад засмеялся:

– Ты где росла? «Стакан»! Нет, их называли «башня» или «свечка».

На второй этаж мы поднимались по лестнице.

– Чуть не забыл самое главное! – спохватился Влад, когда до конца лестничного пролёта осталось несколько ступенек. – Ни в коем случае не говори, что ты писательница. Кто угодно: журналистка, укротительница тигров, укладчица шпал, но только не писательница.

– Почему?

– Просто поверь.

Глава шестая

На звонок дверь долго не открывали, как будто хозяйева никого не ждали. Но когда открыли, то стало ясно, что все-таки ждали: и Надежда Герасимовна, и Илья Петрович были при полном параде. На моей будущей свекрови было чёрное вечернее платье с глухим воротом, которое отлично смотрелось бы на концерте или в театре. Илья Петрович был в старомодном костюме с широкими лацканами, светлой рубашке и при галстукe. Они оба были худые, поджарые и выглядели моложе своих лет.

Телосложением Влад пошёл в отца – такой же высокий и худощавый, а лицом был похож на мать, от нее в наследство он получил выразительные серые глаза и прямой, с небольшой горбинкой, совершенно не крестьянский нос.

Я стояла, озираясь по сторонам и не могла понять, в какой комнате накрыт стол. Все-таки первая встреча! Но угощения нигде на наблюдалось, да и в воздухе не витали ароматы приготовленных блюд. Кажется, кормить не будут.

Я совсем не расстроилась, правда! Возможно, Надежда Герасимовна плохо себя чувствовала, не было сил и желания готовить. И я ее отлично понимаю: чтобы стоять у плиты, нужно иметь лошадиное здоровье и прорву свободного времени. В конце концов, нам, русским людям, пора заканчивать с этим обжорством. По маломальскому поводу накры-

ваем столы с закусками, салатами, горячими блюдами и обязательно выпивкой. В то время как цивилизованные европейцы собираются для того, чтобы пообщаться, узнать друг друга получше, а не набить брюхо. Надо брать с них пример! Вот сегодня и начнём.

Я преподнесла будущей свекрови букет из роз и хризантем, она приняла его с кислым лицом. Коробку шоколадных конфет «Моцарт» постигла та же участь. Возможно, пенсионерка просто никогда не ела шоколад этой дорожкой марки, поэтому я пояснила:

– Это очень вкусные конфеты, их делают в Австрии, на родине Моцарта.

– Да-да... – рассеянно отозвалась Надежда Герасимовна, – давайте пить чай.

Чай пили в большой комнате, которую хозяева торжественно называли «зал». На низком журнальном столике лежала моя коробка конфет «Моцарт» и стоял чайный сервиз с рисунком «Мадонна», в советское время он был большим дефицитом. Мы с Владом сели на диван и провалились в слишком мягкие подушки, родители Влада заняли кресла по бокам.

Сразу стало понятно, кто тут глава семьи. Илья Петрович, устроившись в кресле, как-то сразу замкнулся в себе и выпал из разговора, Надежда Герасимовна взяла нить беседы в свои руки.

– Люся, сколько тебе лет? – без обиняков спросила она.

– Тридцать семь, – ответила я.

Пенсионерка горестно вздохнула.

– А дети есть?

– Мам, ты же знаешь, что нет, – встрял Влад.

Надежда Герасимовна даже не взглянула в его сторону.

– А почему нет?

– Проблемы со здоровьем, – коротко ответила я.

Никогда бы не подумала, что у меня могут быть проблемы «по женской части». Вид у меня цветущий, кровь с молоком. Но однажды у меня случилась задержка, тест показал две полоски, я уже чуть ли не имя ребёнку выбирала. Радостно бросилась к врачу, а та меня огорошила: беременности нет, зато есть гинекологическое заболевание, которое и даёт ложноположительный тест на беременность. Болезнь я лечу до сих пор, с переменным успехом. Докладывать об этом будущей свекрови я, конечно, не собиралась.

– Да-а-а, – трагически протянула Надежда Герасимовна, – говорят, медицина сейчас творит чудеса. Но самостоятельно забеременеть в твоём возрасте, я думаю, уже не получится. Или ребёнок больной будет.

– Мама! – одёрнул ее Влад.

– А что такого? Люся скоро войдёт в нашу семью, зачем же держать камень за пазухой? Разве не лучше говорить прямо?

– Лучше, – согласилась я.

Несколько дней назад фраза «жизнь коротка» была для меня лишь расхожим выражением. Но с тех пор, как мы

Юлькой Лукониной обнаружили тело ее брата, я поняла, что так оно и есть: жизнь действительно коротка и может оборваться в любую секунду. Глупо тратить ее на обман и притворство, надо жить открыто и делать то, что хочешь – в рамках Уголовного и Гражданского кодексов, разумеется.

– Зачем создавать семью, если не будет совместных детей? Какой в ней смысл? – недоумевала Надежда Герасимовна.

Самое поразительное, что пенсионерка не преследовала цель как-то меня обидеть или унижить. Она простодушно делилась своими горестями и надеялась, что я ей посочувствую.

– Мам, попробуй конфетку, – попытался отвлечь ее от скользкой темы Влад.

Свекровушка одним махом проглотила шоколад и вернулась к своим баранам:

– Ох, а я так надеялась, что сын женится на молодой девушке, у него родятся дети, а у меня будут внуки! Так хочется с внуками понынчиться!

– У вас четверо внуков, – напомнила я.

– А толку? – махнула рукой Надежда Герасимовна. – Старшая Стелла родилась, когда мне было чуть за сорок. Я тогда еще молодая была, да и работала полный день, до внучки ли было? Ее воспитывала прабабушка с материнской стороны. Сейчас Стелла уже студентка, у нее своя жизнь, она только тянет из отца деньги.

– А из кого ей тянуть? Из чужих мужиков?

Пенсионерка изумлённо на меня воззрилась. Кажется, откровенно высказывать свои мысли здесь разрешалось только ей.

– У Влада ведь есть еще сыновья, Саша и Паша, – заметила я.

– Им восемь лет, и это какой-то кошмар, а не дети! – воскликнула Надежда Герасимовна. – Орут, носятся как угорелые, играют в войнушку, у меня от них дико раскалывается голова и давление скачет.

– В войнушку? – удивилась я. – Сейчас это редкость. Дети всё больше сидят, уткнувшись в гаджеты, их от компьютерных игр не оттащишь.

– Вот-вот, сидели бы тихонечко с планшетом, не мешали мне смотреть сериал, – бесхитростно подхватила пенсионерка.

– А ваша внучка Катя? Она ведь должна быть вам ближе?

– Почему это ближе? – вскинулся Влад.

– Ну, она же от дочки, такие внуки всегда чуточку ближе.

– Искра совсем избаловала свою Катюку, с рождения ей в попу дула, вот и результат...

Надежда Герасимовна не договорила, но было ясно, что Катя тоже не угодила бабушке, неправильная какая-то внучка получилась.

– А ведь Влад еще может стать отцом! – горестно вздохнула будущая свекровь.

– А он хочет? Вы его спросили? – возразила я.

И всё-таки пенсионерка нашла во мне что-то положительное.

– Хорошо, что своих детей у тебя нет, – сказала она, – Владу не придётся кормить чужие рты. Он и так кучу отпрысков содержит, родных ли, вот вопрос. – Поджав губы, она многозначительно посмотрела на сына.

– Мама, ты отлично знаешь, что Сашка и Пашка мои родные сыновья. Ты же сама тайком сделала тест ДНК, не помнишь?

– Чего ж они тогда от родной бабушки шарахаются, словно волчата?

– Может быть, не стоило портить отношения с их матерью, называть Монику потаскухой, тогда и внуки бы тянулись? – меланхолично заметил Влад.

Ну понятно. Как бабушка Надежда Герасимовна потерпела полнейшее фиаско и теперь хотела, чтобы «правильная» невестка родила ей «правильных» внуков. Я, конечно, в этот бизнес-план никак не вписывалась.

Влад улучил момент, когда мать отвлеклась на чай, и прошептал мне одними губами: «Я иду звонить?» Я отрицательно покачала головой. Я еще не потеряла надежды найти общий язык с будущими родственниками, только пока не могла сообразить, какие же у нас могут быть точки соприкосновения.

И тут меня осенило. Рискую, конечно, но другого выхода нет.

– Кстати, не знаю, говорил ли вам Влад, что я пишу книги, – громко заявила я, обращаясь ко всем присутствующим.

Мои слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Надежда Герасимовна картинно схватилась за сердце, только перепутала стороны и держалась за правую грудь, а Илья Петрович, до этого мирно дремавший в своём кресле, вытаращил глаза.

– Пишете книги? А давно пишете? Их печатают? – забросал он меня вопросами.

Будущий свёкор так разволновался, что стал называть меня на «вы». Вот оно, долгожданное внимание к моей персоне! Наконец-то родители Влада оценят меня по достоинству. Я же говорила, что я идеальная невестка!

– Пишу совсем недавно, – охотно объяснила я. – Знаете, месяц назад написала книгу, принесла в издательство, ее сразу же поставили в план, обещали, что скоро выйдет. Уже и обложка готова! Тираж, конечно, пока небольшой, но это только начало. Планирую выпускать по пять книг в год, у меня столько идей!

Илья Петрович взирал на меня, как на чудо, и только повторял:

– Месяц назад... поставили в план... пять книг в год...

– Издать книгу сегодня совсем не трудно, востребованы самые разные жанры. Если ты интересно пишешь, то...

Я не договорила, Илья Петрович меня перебил.

– Не трудно?! – вскочил он и в экзальтации заходил по

комнате. – Да я сорок лет не могу ничего издать! Ничего! Сорок лет! Я написал семь книг, и ни одна не издана!

Тут до меня дошло, на какой тонкий лёд я вступила. Влад насмешливо смотрел на меня, его взгляд красноречиво говорил: «А ведь я предупреждал».

– Илья Петрович, не волнуйтесь вы так, – сказала я. – Давайте я посмотрю рукопись. Знаете, я ведь хороший редактор. Возможно, тексту требуется небольшая редакторская правка. Иногда нужно просто навести лоск, чтобы читатели оценили.

Илья Петрович перестал нарезать круги по комнате.

– Вы серьёзно? Навести лоск? Надя, где моя последняя рукопись?

Надежда Герасимовна поднялась с кресла и, неодобрительно глядя на меня, сказала:

– Сейчас принесу.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась с пухлой картонной папкой на завязках. Внутри обнаружили пожелтевшие листы бумаги, исписанные от руки.

– В издательствах не любят рукописные тексты, надо набрать на компьютере и распечатать, – заметила я.

– Достоевский ничего на компьютере не набирал, и прекрасно издавали! – взвился Илья Петрович.

Я вздохнула. Очень плохой признак. Даже два очень плохих признака. Первый – когда начинающий автор сравнивает себя с Достоевским, и второй – когда начинающий автор

воспринимает дельный совет в штыки.

Беглое чтение текста только укрепило мои подозрения: увы, случай тяжёлый, Илья Петрович – графоман чистой воды, и никаким лоском тут не отделаешься.

– «Он думал о том, что жизнь помотала его туда-сюда, покурлесила, выпила из него всю молодость и оставила умирать в этом озлобленном крае», – с выражением прочитала я первый попавшийся абзац.

Я надеялась, что, услышав свое произведение со стороны, Илья Петрович осознает, насколько оно слабое. Однако результат оказался противоположным: пенсионер заулыбался и чуть не пустил слезу от умиления.

– Это роман о русском эмигранте первой волны, – пояснил он. – Биографическая повесть.

Я, правда, хороший редактор, но тут была бессильна. Впрочем, есть выход...

– Знаете, Илья Петрович, не нужны вам никакие издательства! – бодро заявила я. – Ну их к черту! Они ведь забирают себе львиную долю дохода, авторам отдают жалкие крохи. Вы сами издадите свои книги!

– У нас нет денег, – поспешно заявила Надежда Герасимовна.

– Ноль вложений! Вообще ноль расходов!

– Как это? – не понял Илья Петрович. – А бумага, типография, художник?

– Без бумаги, типографии и художника. Вы издадите свои

произведения в электронном виде!

Бурных оваций почему-то не последовало.

– Бумажные книги отживают свой век, – втолковывала я. – Людям удобнее скачивать электронную книгу и читать ее с планшета. Ваши книги будут скачивать в любом уголке мира, даже там, где нет книжных магазинов, понимаете? Те же самые потомки русских эмигрантов первой волны где-нибудь в Америке, штате Вайоминг, купят на сайте электронную книгу и прочитают. Разве это не здорово? Илья Петрович, я вам покажу, на каких сайтах можно разместить свои книги.

– Я хочу настоящую, бумажную книгу! – в отчаянии вскричал Илья Петрович. – Это мечта всей моей жизни!

Как ни странно, я его отлично понимала. Для меня тоже электронная книга – не совсем настоящая. Не люблю читать с экрана, хочу держать в руках увесистый томик, переворачивать страницы, ощущать запах типографской краски.

– Тогда надо менять содержание. Книге не хватает саспенса. Саспенс бы добавить.

– Чего? – подозрительно нахмурилась будущая свекровь.

– Это из английского языка, означает «тревожное ожидание, напряжение». Вот, например, когда вы смотрите фильм, за кадром играет тревожная музыка, и вы понимаете, что сейчас что-то случится, и не отрываетесь от экрана. Это и есть саспенс.

– А как его добавить? – заинтересовался автор.

– Сейчас, дайте сообразить... – Я вскочила с дивана и в возбуждении заходила по комнате. – Что если попробовать так... «Вчера наш звездолёт приземлился на этой планете. При посадке погибли все члены экипажа, кроме меня и капитана. А сейчас какая-то неизвестная межгалактическая тварь доедала капитана Ричардсона. Из своего укрытия я слышал, как хрустел его череп в ее жуткой пасти. Я был без оружия и ничем не мог ему помочь. Себе я тоже, скорее всего, уже не помогу. Я мог только думать о том, что жизнь помотала меня туда-сюда, покуролесила, выпила из меня всю молодость и оставила умирать в этом озлобленном крае». – Я обвела присутствующих торжествующим взглядом: – Каков саспенс, а? Чувствуете разницу? Слова главного героя теперь наполнились необычайной остротой и драматизмом! Влад, ты это почувствовал?

– Да, я определенно почувствовал драматизм, – сказал Влад, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

– А вы, Илья Петрович, почувствовали?

– Ну знаете! – только и смог вымолвить Илья Петрович, в изнеможении плюхаясь в кресло. – И таких людей издают! У меня нет слов!

Кажется, он решил, что я над ним издеваюсь. А я ведь искренне хотела помочь!

Пришло время сваливать. Всё, что могла, я сделала. Героя запомнят надолго.

– Только что вспомнила, мне срочно надо ехать, – сказала

я, хватая сумку.

– Что-то случилось? – спросила Надежда Герасимовна.

– У меня роды.

Все уставились на мой живот.

– У тебя? – уточнила свекровь.

– У меня... подруга рождает. Я присутствовала при зачатии, так что сами понимаете...

– Присутствовала при зачатии? – вытаращила глаза Надежда Герасимовна.

– Ну, не физически, а ментально.

Тоже прозвучало как-то подозрительно. Поняв, что завралась окончательно, я поспешно покинула честную компанию. Влад вышел следом за мной.

Спускаясь по лестнице, я размышляла о впечатлении, которое произвела на будущих родственничков. Надежде Герасимовне я не понравилась, потому что не могла осуществить ее мечту, а Илье Петровичу – потому что осуществила его мечту.

Уже в машине я сказала:

– Знаешь, Влад, а ведь я была права насчёт того, что я идеальная невестка. Только со знаком ошиблась, я идеальная со знаком «минус». Ты как математик меня поймёшь. Я просто идеально, на сто процентов им не подхожу!

– Зато ты идеально подходишь мне, – сказал Влад и поцеловал меня. – Может, перекусим где-нибудь?

– Давай. Я дико голодная, как та межгалактическая тварь,

которая сожрала беднягу капитана Ричардсона.

Глава седьмая

Поздно вечером раздался звонок мобильного. Звонили с незнакомого номера, взволнованный женский голос сказал:

– Люся, здравствуйте, это Рина Калюжная.

Калюжная, Калюжная... Я рылась в памяти, но не нашла там этой фамилии.

– Кто?

– Сентябрина, сестра Юли Лукониной.

– Почему у вас разные фамилии? – удивилась я. – Вы же обе не замужем.

– У нас разные отцы, – ответила Рина. – Мы единоутробные сестры.

– Точно. Что-то случилось? С Юлей?

– Юлю арестовали. Обвиняют в убийстве Андрея. Андрей – это наш двоюродный брат, сын родной сестры нашей мамы, – на всякий случай пояснила она.

К сожалению, я знала, кто такой Андрей. Такое не забудешь. Когда мы с Юлькой обнаружили его тело? Позавчера? Да, точно, позавчера.

– Ничего не понимаю. В каком убийстве обвиняют Юльку? Мы ведь вместе с ней взломали дверь квартиры, где лежал Андрей. Я давала показания следователю, он записал их в протокол. Юлька даже указала телефон слесаря, который вскрывал замок. Он тоже свидетель!

Рина всхлипнула в трубку.

– Сегодня Юлю вызвали на допрос в полицию, якобы просто уточнить показания. Но из полиции она не вернулась. Я звонила ей, телефон не отвечал. И вот только что ей удалось позвонить, она сказала, что ее задержали за убийство Андрея и поместили в следственный изолятор. Умоляла помочь. А я понятия не имею, что теперь делать.

– Соберите ее вещи. Белье, тёплую одежду, предметы гигиены, деньги в мелких купюрах, сумку с едой. Посмотрите в Интернете, какие продукты можно передать, и завтра отнесите.

Откуда у меня эти знания? Я же не сидела в следственном изоляторе. Понятия не имею. Жизненный опыт, что ли, скачивается?

– Неужели Юлю посадят? И ничего нельзя сделать? – рыдала в трубку Сентябрина. – Сестра как-то говорила, что ваш муж полицейский, майор, кажется. Он может помочь?

– Вряд ли. И не муж он вовсе, а жених, к тому же бывший, – честно ответила я.

– Что же делать? Нельзя, чтобы Юлю посадили, она никого не убивала, тем более Андрея! Ясно, что это какая-то ошибка. Но разве менты будут разбираться? Им лишь бы дело закрыть.

Я молчала. В некоторых случаях, пожалуй, так оно и есть.

– Люся, это из-за вас сестру посадят! – вдруг жёстко сказала Сентябрина. – Вы втравили Юльку в идиотскую аферу

с квартирами! Вы должны ей помочь, слышите? Вы просто обязаны вытащить ее из тюрьмы!

– Я сделаю всё, что в моих силах, обещаю, – сказала я и отключила связь.

Вот только что я могу сделать? Я – рядовая обывательница, с миром полицейских и следователей меня связывал только Руслан Супроткин. Мы расстались, и ниточка оборвалась. Я ведь даже никого из его коллег толком не знаю, Руслан не знакомил.

Решение напрашивалось само собой: надо звонить Руслану. Да, мне неприятно с ним общаться, он обошёлся со мной по-свински, но ради подруги я должна задвинуть гордость подальше. Только не сейчас, конечно, звонить, в двенадцатом часу ночи, иначе этот звонок будет воспринят как крик отчаяния брошенной женщины, которая ищет любой повод, лишь бы напомнить о себе бывшему возлюбленному. Я решила, что позвоню майору Супроткину утром. Да, утром совсем другое дело, это будет спокойный, исключительно деловой разговор.

Ночью я спала плохо, мне снились мрачные, удушающие сны. Проснувшись я с больной головой и сразу же набрала Руслана. Я знала, что он ранняя пташка, уже должен быть на ногах. Но майор не ответил на звонок. Через пять минут я повторила попытку. Опять без результата. Я позвонила в третий, четвёртый, пятый раз... и сама не заметила, как количество моих звонков перевалило на второй десяток. Я не хо-

тела выглядеть в глазах Руслана назойливой истеричкой, однако сейчас дело обстояло именно так.

Пока майор меня не заблокировал, я написала ему сообщение: «Подругу обвиняют в убийстве, очень нужна твоя помощь!» Руслан тут же перезвонил.

– Я не могу разговаривать, – сухо сказал он. – Сейчас скину телефон адвоката по уголовным делам, он поможет. Фамилия его Сидоров.

– Сидоров? А он точно хороший адвокат?

– Марк Давидович.

– Ну, тогда ладно, – немного успокоилась я. – А ты мог бы разузнать по своим каналам...

– Я больше ничего не могу сделать, извини, – быстро сказал Руслан и отключился.

Не может или не хочет – вот в чём вопрос. Ну хотя бы теперь у меня есть координаты пронырливого адвоката, который знает все входы и выходы. Появилась надежда, что Юлия Луконина вскоре вернётся домой. Этой новостью я обрадовала ее сестру Сентябрину.

– Адвокат? – без особого энтузиазма протянула в трубку Рина. – Ему надо платить? А то у меня денег совсем нет.

Похоже, адвоката придётся нанять мне.

– Ладно, я сама поговорю с адвокатом. Вы уже были в следственном изоляторе? Передали Юле вещи?

– Сейчас поеду, – ответила, позёвывая, Рина. – Соберу сумку и сразу поеду.

А она довольно быстро оправилась от шока. Возможно, даже оценила прелести жизни в «однушке» без сестры.

Я набрала адвоката, и сразу же отозвался бодрый голос:
– Слушаю!

А старичок-то тоже ранняя пташка. Я вкратце объяснила Марку Давидовичу суть дела.

– Приезжайте в адвокатскую контору, я буду там до полудня, успеете?

Я заверила, что успею, и адвокат Сидоров продиктовал адрес.

Но сначала я решила заглянуть в отдел полиции по району Котловка. Быстро одевшись, я помчалась к метро.

– Как зовут капитана Дубченко? – спросила я в бюро пропусков ОВД.

– Ну что же вы, надо знать имя следователя, который ведёт ваше дело, – укорил меня младший лейтенант, выписывая пропуск. – Сергей Александрович.

К счастью, это пока еще не мое дело. Хотя такими темпами я уже ни за что не ручаюсь.

– На каком основании Юлию Луконину обвиняют в убийстве брата?! – закричала я, ворвавшись в кабинет следователя.

Капитан Дубченко вздрогнул. Пирожок выпал из его рта. Я застала капитана в тот момент, когда он ел пирожок и запивал его кефиром прямо из пластиковой бутылки. Теперь пирожок валялся на полу. Кажется, он был с мясом.

Я неприязненно посмотрела на выпечку. Этому пухлику Дубченко лишь бы что-то жевать, лучше бы работал усерднее!

– Женщина, вы кто?

– Мы виделись три дня назад, – сказала я, – на улице Ремизова, дом пять. Мы с Юлией Лукониной нашли тело ее брата. А теперь ее обвиняют в убийстве! Как такое может быть, если квартира была заперта, при мне она вызвала слесаря и взламывала замок! Я требую объяснений! Нет, я требую, чтобы Юлию немедленно освободили, а вы искали настоящего убийцу!

Сергей Александрович поднял пирожок с пола, с сожалением его оглядел и выкинул в мусорную корзину. Он убрал бутылку кефира в маленький холодильник и только потом обратился ко мне:

– Напомните ваше имя и отчество.

– Людмила Анатольевна.

– Людмила Анатольевна, вы понимаете свое место в уголовном процессе? Вы – свидетельница, свой гражданский долг уже выполнили, дали показания. Не мешайте работе следственных органов. Вы свободны. Давайте сюда ваш пропуск, я подпишу.

– Я никуда не уйду, пока не получу ответ на свой вопрос!

– Людмила Анатольевна, я не обязан вам ничего объяснять, – устало повторил капитан Дубченко. – Вообще ничего. Разве вы мое начальство, чтобы я перед вами отчитывался?

– Начальство?! – вскинулась я. – Очень хорошо. Я сейчас пойду к вашему начальству и оставлю жалобу, что хватают первого попавшегося невинного человека и бросают за решётку! Вы думаете, я законов не знаю? Очень даже знаю! Я до прокурора дойду!

На самом деле я не читала Уголовно-процессуальный кодекс и понятия не имела, были ли у меня вообще основания для жалобы. Но вид у меня был решительный. И потом, я достаточно пожила в нашей стране и знаю: чем громче кричит человек, чем энергичнее качает права, тем внимательнее к нему отнесутся. Вот и капитан Дубченко, обречённо вздохнув, уступил перед моим напором.

– Хорошо. Только я сразу предупреждаю, что за разглашение данных предварительного расследования свидетель несёт ответственность в соответствии со статьёй триста десятой Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет либо ареста на срок до трёх месяцев. Вам это понятно?

– Я – могила, – клятвенно пообещала я.

Сергей Александрович достал из сейфа дело, полистал страницы и спросил:

– В котором часу вы с Юлией Лукониной вскрыли замок в квартире по улице Ремизова?

– Приблизительно в половине десятого вечера.

Сергей Александрович кивнул:

– Если точнее, то вы позвонили в службу сто двенадцать

и сообщили о найденном в квартире труп в двадцать один час двадцать шесть минут. Криминалисты установили, что Андрей Мохов был убит в этот же день около восьми утра.

– Убит? – похолодела я.

– Да, смерть наступила в результате удара по голове и как следствие черепно-мозговой травмы. После чего убийца вытер все поверхности на кухне, экспертам не удалось найти никаких отпечатков.

– И как это связано с Лукониной?

– Дело в том, что в начале девятого утра Юлия приезжала в квартиру. Если точнее, то в восемь часов семь минут. Камеры наблюдения в подъезде это зафиксировали.

– Зачем?

– Вот и я задал ей этот вопрос. Она ответила, что хотела поговорить с братом, но квартиру он не открыл и на звонки не отвечал.

– Звучит правдоподобно.

– Вполне. Но сколько времени это могло бы занять? Две минуты? Пять? Максимум – десять. Однако, судя по записи камеры наблюдения, Луконина пробыла в подъезде сорок минут.

Признаюсь, следователю удалось поставить меня в тупик. Интересно, что подруга делала в течение этих сорока минут?

– Может быть, этому есть какое-то разумное объяснение? – спросила я.

– Сама Луконина объясняет, что искала на полу камень,

который выпал из ее серьги. Камень очень маленький, но ценный – бриллиант. Дескать, ей пришлось буквально ощупывать ладонями пол на лестничной площадке.

Весь вид капитана Дубченко выражал сомнение в этой версии.

– Она нашла камень?

– Нет. Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет, – усмехнулся следователь.

Он думает, это смешно? Решается судьба человека, а он тут хихикает!

– А соседи что говорят? В доме нет лифта, наверняка кто-то спускался с верхних этажей и мог видеть, как она ползает по полу.

Капитан Дубченко не ответил на мой вопрос, из чего я сделала вывод, что соседей не опрашивали. Зачем, если они могут разрушить эту удобную версию? Дело можно считать раскрытым и идти получать очередное звание.

– То есть только на основании записи камеры наблюдения вы сделали вывод, что убийца Юлия Луконина?

– Не только. Жена убитого, Марина Мохова, рассказала, что между Юлией и ее мужем был конфликт из-за квартиры, которая находилась в долевой собственности. Андрей не хотел освобождать квартиру, препятствовал Юлии в получении дохода от сдачи её в аренду, а на предложение Лукониной продать недвижимость ответил отказом. Марина собственными ушами слышала, как Юлия угрожала его убить.

Я ошарашенно молчала. Новая информация совсем не вязалась с образом подруги.

– Но замок! – цеплялась я за последнюю соломинку. – В личинку впрыснули суперклей, нам пришлось вызывать слесаря, чтобы попасть в квартиру! Что вы на это скажете?

– Луконина могла сама впрыснуть суперклей, сразу после убийства, чтобы отвести от себя подозрения. А потом вечером приехала со свидетельницей – с вами, и вызвала второго свидетеля – слесаря. Как бы то ни было, основания для задержания гражданки Лукониной у меня есть. Конечно, Людмила Анатольевна, вы можете подать жалобу, однако это ничего не изменит, – подытожил капитан Дубченко.

Я хмуро на него воззрилась. Возможно, от жалобы не будет толка, но никто не мешает мне доказывать невиновность подруги, используя для этого все доступные способы. И первый из них – право на адвоката. Опытного профессионала, который разнесёт все хлипкие улики следствия в пух и прах. К счастью, такой адвокат у меня был, и я немедленно к нему отправилась.

Глава восьмая

Когда я добралась до адвокатской конторы, у меня внутри всё клокотало. Мне было необходимо срочно выплеснуть на кого-нибудь свои эмоции. За дверью с вывеской «Адвокат Сидоров М. Д.» обнаружился молодой человек лет двадцати пяти приятной наружности, в костюме с галстуком, очевидно, помощник Марка Давидовича. Он-то и пал жертвой моего возмущения.

– Представляете, что творят! По беспределу хватают первого попавшегося человека и бросают за решётку! Мою подругу! Вот буквально мимо проходила, а ей предъявляют обвинение в убийстве!

Молодой человек слушал меня, не перебивая, а я, вдохновлённая его вниманием, тараторила дальше:

– Улики следствия смехотворны: запись камеры наблюдения, что она зашла в подъезд. А дальше она куда пошла? А если просто весь день за дверью на первом этаже простояла? Имела право? Имела! Но в одной из квартир предположительно в это время убили ее брата. Подчёркиваю, что время известно не точно, а лишь предположительно. И, естественно, хватают мою подругу! Поняли, какое зло творит полиция? Вот, слушайте, запоминайте, набирайтесь опыта!

Парень продолжал вежливо молчать. Тут я спохватилась и вспомнила, зачем пришла.

– А где, собственно, Марк Давидович? Он сказал, что до полудня будет на месте. Отошёл куда-то?

Молодой человек поправил галстук и ответил:

– Марк Давидович – это я.

Я оторопела. Я ожидала увидеть старого, умудрённого опытом адвоката, который знает все входы и выходы, а передо мной стоял вчерашний студент. С чего я вообще решила, что Марк Давидович – пожилой человек? Наверное, потому что профессиональный опыт приходит с возрастом, а не выдаётся в нагрузку к диплому о высшем образовании.

– Приятно познакомиться, а я Людмила Анатольевна, – пролепетала я. – Вас мне рекомендовал Руслан Супроткин. У меня к вам только один вопрос: вы лично знакомы с Русланом? Он в курсе, что вы... ну... – я замаялась. – Такой, какой вы есть?

– Мы сотрудничали с майором, – коротко ответил Марк Давидович.

Значит, Руслан меня подставил. Он нарочно посоветовал этого неопытного молокососа. Господи, да ведь у бедной Юльки Лукониной теперь нет абсолютно никаких шансов выйти на свободу! Попросту говоря, ей хана.

Стоп, Люся, спокойно, оставить панику! Сегодня функции адвоката зачастую сводятся к передаче взятки следователю или судье. Возможно, в кулуарах у Марка Давидовича всё схвачено?

– По вашему опыту, сколько возьмёт следователь? – заго-

ворщически понизив голос, спросила я.

– Простите?

– Чтобы снять обвинения с моей подруги. Я боюсь, не придётся ли ей кредит брать?

Марк Давидович смотрел на меня во все глаза.

– Я же понимаю, как сейчас работает полиция, – продолжала я. – Хватают кого ни попадя, кто смог откупиться, того отпускают, потом хватают следующего. Пока не дойдут до того, у кого нет ни денег, ни связей, его и сажают.

– Знаете, Людмила Анатольевна, у вас ошибочное представление о работе следственных органов, – ответил адвокат Сидоров.

Так, ясно, в вопросе взятки он бесполезен.

– Насколько я понял, вашу подругу задержали по подозрению в убийстве. Можете рассказать более подробно?

Я рассказала обо всём, что случилось в квартире на улице Ремизова, а также в кабинете следователя Дубченко. И пока я вспоминала события последних дней, меня осенило.

– Слушайте, Марк, я всё придумала! Надо обеспечить моей подруге алиби! Камера наблюдения зафиксировала, что Юлька зашла в подъезд в восемь часов семь минут утра и пробыла там сорок минут. Но этому будет объяснение! В то утро она приезжала к любовнику! Надо найти в этом подъезде какого-нибудь мужика, подкупить его, чтобы он подтвердил, что Луконина была у него. В подъезде пять этажей, по четыре квартиры на этаже, итого двадцать квартир. В ка-

кой-нибудь обязательно найдётся человек, которому нужны деньги! Вам следует туда поехать и обо всём договориться. Что скажете?

Господин Сидоров смотрел на меня с таким ужасом, будто я на его глазах стащила бутылку коньяка из супермаркета и тут же на выходе всю ее вылакала.

– А вас совсем не волнует, совершала ли подруга убийство? – спросил он. – Может быть, всё было именно так, как предполагает следователь? А вас подруга использовала, чтобы инсценировать взлом квартиры и обеспечить себе алиби?

Если я и задумалась над его словами, то только на одну секунду. Потом я решительно тряхнула головой:

– Это исключено. Я верю Юле Лукониной. Я знаю ее давно, она не способна на убийство. Я уверена, что она стала жертвой какого-то невероятного стечения обстоятельств. Так что вы скажете насчёт моей идеи найти Юльке «любownika» в этом подъезде?

– Я скажу, что в задачу адвоката не входит создание ложного алиби, – отвечивал Марк Давидович.

Я начала раздражаться: взятки он не даёт, алиби не гарантирует, какой вообще смысл в таком адвокате?

– Как же вы собираетесь вытаскивать мою подругу из тюрьмы? – довольно резко спросила я.

– Просто позвольте мне делать свою работу.

– Как скажете, – сухо ответила я.

Ну, а я буду делать то, что считаю нужным. Идея с лож-

ным алиби просто отличная! И, очевидно, что никто, кроме меня, не возьмётся за ее воплощение. Значит, мне надо действовать!

Я немедленно поехала на улицу Ремизова.

Насколько я помнила, квартира находилась во втором подъезде. Я подошла к двери подъезда, она, естественно, оказалась закрыта. Я приложила ключ от домофона своего собственного дома, он ожидаемо не подошёл, на этом у меня закончились идеи, как быстро проникнуть внутрь. Решила тупо звонить во все квартиры подряд.

Я набрала первую квартиру на первом этаже.

– Косолапова? – строго спросил голос в домофоне.

– Да-да, – шёпотом ответила я.

Дверь открыли, я поднялась на лестничный пролёт, а на пороге квартиры меня уже поджидал крепкий мужчина в спортивном костюме.

– Светлана Косолапова? – уточнил он.

– Она самая.

Мужчина распахнул дверь:

– Проходите, обувь можете снять здесь.

– Это обязательно?

– Вы же не собираетесь лежать на кушетке в обуви? – удивился хозяин квартиры.

– Нет, – ответила я.

Я вообще не собиралась лежать ни на какой кушетке. Но начало было многообещающим. Велика вероятность, что

этот ловелас поможет мне создать алиби для подруги.

– Проходите в комнату, – продолжал мужчина, – там можете раздеться.

– Прямо так сразу раздеться? – усмехнулась я. – Может быть, сначала выпьем по бокалу вина? Чтобы растопить лёд между нами?

Хозяин вздрогнул и одним прыжком отскочил от меня метра на три.

– Женщина, вы кто? Вы по записи? Вы Косолапова?

– Я сейчас всё объясню, – сказала я, устремляясь в комнату. – У меня к вам предложение.

– Стойте! – испугался мужчина. – Не приближайтесь ко мне! Предупреждаю, у меня стоят камеры, каждый ваш шаг записывается.

– Да не бойтесь вы, я не кусаюсь, – улыбнулась я.

Хозяин схватился за телефон:

– Я вызываю полицию.

– Сто тысяч рублей! – выпалила я.

– Вы не получите ни копейки! Все ваши обвинения беспочвенны!

– Вы не поняли, это я предлагаю вам сто тысяч.

– Мне ничего от вас не надо. Уходите!

Прямо какая-то пугливая лань, а не мужчина.

– Выслушайте меня! Говорю же, у меня к вам выгодное предложение, останетесь довольны.

– Вон!

– Двести тысяч рублей! Триста! Пятьсот тысяч!

Мне уже было самой интересно, на какой сумме он сдается.

– Миллион! – выкрикнула я наконец.

Совершенно не уверена, что у Юльки найдутся такие деньги, но попробовать стоило.

– Уходите, дамочка. – Хозяин квартиры буквально вытолкнул меня за порог и захлопнул дверь.

Первый раз вижу человека, который отказывается от миллиона, даже не поинтересовавшись, что от него требуется взамен. Я что-то пропустила? Сегодня с утра в стране наступил коммунизм и отменили деньги?

Глава девятая

Я позвонила в соседнюю квартиру, никто не открыл. В третьей тоже никого не оказалось. А вот из четвертой квартиры на звонок вышла миленькая бабулька. Одета она была в уютный плюшевый халат весь в розочках, поверх которого был повязан передник с рюшами. Седые кудряшки обрамляли доброе лицо в лучиках морщинок. Казалось, она только что отошла от духовки, в которой выпекала для своих внуков вкусное печенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.